

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор по научной работе
ФГБОУ ВПО «Литературного института
им. А.М. Горького» профессор
А.Н. Ужанков

« » мая 2014 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации, кафедры иностранных языков

ФГБОУ ВПО «Литературного института им. А.М. Горького»,

о диссертации Липчанской Ирины Владимировны

«Образ Лондона в творчестве Питера Акройда»,

представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03. – литература народов стран зарубежья (литература Великобритании)

Творчество британского прозаика Питера Акройда известно в России уже давно и неплохо изучено в различных аспектах, таких как постмодернистская специфика, биографизм, английскость, гендерные аспекты, образы дома и города в отдельных романах. **Новизна** данной диссертационной работы состоит в том, что в ней впервые последовательно показано развитие образа Лондона в прозе П. Акройда, начиная с самого первого романа «Большой Лондонский пожар» (1983) и заканчивая монументальной биографией Лондона «Лондон. Биография.» (2000). Более того, Липчанская И.В. высказывает оригинальную мысль, что именно образ Лондона, грандиозного мегаполиса со своей историей и тайнами, определяет литературно-художественную динамику письма Акройда, его творческие успехи и провалы.

Диссертация состоит из Введения, четырёх глав с подразделами и Заключения. В 1-ой главе даётся пространный, последовательно и чётко изложенный экскурс в историю осмысления идеи города в философии, социологии и литературоведении. Каждый из трудов по урбанистике описан ёмко и ясно, автор не забывает указать на соотношение идей Акройда с той или иной концепцией, что помогает удержать основную идею работы в поле внимания и

локализовать творчество писателя в многообразии урбанистических теорий. В выводе показано, как постмодернистский образ города отличается от восприятия его в эпоху модерна. В основном, это отличие состоит в таких характерных особенностях постмодернистского письма, как показ фрагментарности в восприятии городской среды, отчужденности городского жителя от среды как неживой, так и живой, и в тотальной нарративизации городского пространства. Этот обзор готовит почву, необходимую для анализа образа Лондона в творчестве П. Акройда, который содержится в последующих главах.

Весьма дискуссионным в данном исследовании представляется понятие «визионера», которое рассматривается в подразделе «Лондонские визионеры» Главы 2. Кажется спорным утверждение о двух типах визионеров на с. 58: визионер, «предвидящий будущее» и «визионер-мечтатель». Данные определения взяты Липчанской И. В. из толковых оксфордского и вебстеровского словарей, что допустимо на бытовом уровне, но в контексте живого литературного произведения данная типология выглядят очень «узко». Попытка уложить персонажей в готовую форму, классифицировать, - например, «визионер первого типа» об архитекторе-сатанисте Николасе Дайере (с. 89-90) и «визионер второго типа» о детективе Хоксмуре (с. 96) в романе «Хоксмур», - вносит те самые упорядоченность и рациональность, которые отрицаются и поэтикой произведения (как следует из общего анализа романа в диссертации), и самим П. Акройдом.

В диссертационной работе сказано, что «каждый из центральных героев произведений А. Акройда является на свой лад визионером. Они способны преображать реальность дня сегодняшнего, трансформировать её согласно своему видению» (с.59). Из данной характеристики визионера, которая, кстати, не совпадает с предложенными ранее словарными статьями, следует, что любая фантазия или просто интерпретация действительности может пониматься как визионерский дар. Подтверждение этому – анализ эпизода из романа «Дом доктора Ди» на с. 114, где размышления одного из главных героев об искусственности городской жизни трактуются, как визионерство. Возникает терминологическая путаница: с одной стороны, есть словарные определения визионера, с другой, исследовательница раздвигает границы термина так широко, что туда попадает, практически, любой человек.

Не стоит смешивать визионерство с моментами остановки времени, описанными в романах Пруста, которые отрефлексировал в своих лекциях М. Мамардашвили, или поэтикой озарений в литературе романтиков, описанной в монографии Е. Халтрин-Халтуриной. В диссертации, по крайней мере, в

теоретической части, совершенно не рассматривается такое понимание визионерства, которое присутствует, например, в Акройдовской биографии Блейка, а именно, когда человек не просто провидит будущее или обладает богатым воображением, а воспринимает иную реальность, скрытую завесой материального мира и существующую с ним одновременно. Акройд показывает, что визионерство – уникальный тип мировосприятия, которым обладали У. Блейк и, вероятно, Э. Сведенборг, чьи мистическими поэтами был одно время сильно увлечен. Поскольку понятие «визионера» является одним из ключевых в диссертации, хотелось бы видеть более глубокий и проработанный подход в этой части проблематики.

К этому надо добавить, что по ходу диссертационного исследования наполнение термина существенно расширяется само собой, без авторских оговорок, просто за счет цитирования первоисточников и эпизодов, приводимых для иллюстрации визионерства. Так на с. 125 находим: «В «Повести о Платоне» в образе главного героя происходит синтез обоих типов акройдовских визионеров: как оратор он обладает даром убеждения (сограждане Платона верят его интерпретации истории), одновременно ему оказываются доступны иные измерения реальности». Исследовательница упоминает типологию, но очевидно, что цитируемое описание героя-визионера не совпадает с предложенными вначале типами визионера-предсказателя и визионера-мечтателя.

Несколько поспешным кажется утверждение, что «вариациями образов визионеров будут заполнены все последующие романы Акройда, и картины города всегда будут стоять в центре их видений» (с. 63). Нам представляется, что спектр персонажей в романах британского писателя всё-таки шире, это, скорее, герои-аутсайдеры. В этой связи исследовательнице можно порекомендовать ценную для работы над британским писателем словарную статью «Акройд» А. Зверева в «Энциклопедическом словаре английской литературы XX века», которой нет в библиографии.

Следует также учитывать, что в диссертации рассматривается ограниченный набор романов с ярко выраженным образом Лондона. «За бортом» остаётся немало романов иного плана. Корректно ли при этом утверждать, что именно образ британской столицы, который, несомненно, важен для Акройда, так фатально влияет на его творчество вплоть до «ослабления оригинального творческого импульса» (Автореф., с. 3)?

Творчество П. Акройда является классической иллюстрацией постмодернистского пастиша, соответственно, хотелось бы видеть Раздел о пастише (сс. 63-65) более проработанным. Не хватает примеров пастиша из

текстов П. Акройда. Диссертантка обходится всего лишь краткими указаниями на то, что Акرويد следует традиции: «Идя по стопам великого писателя викторианской эпохи, Акرويد создает свой Лондон, амальгаму прошлого и современности, используя пастиш, как принцип конструирования текста» (с.64). Здесь было бы логично развернуть конкретный разбор образцов пастиша, подтверждающих присутствие интертекста, Диккенсовской традиции. Другое указание на присутствие пастиша, это фразы о том, что герои «Великого лондонского пожара» «напрямую связаны с шедевром Диккенса» (с. 64): героиня воображает себя Крошкой Доррит и устраивает пожар в финале романа, а герой профессионально исследует творчество Диккенса. Данное утверждение также как и другие ссылки на то, что «викторианский Лондон продолжает жить среди современных зданий», нуждаются в более многочисленных и конкретных свидетельствах наличия пастиша, чтобы не звучать голословно. Заметно также, что в этом разделе автор предпочитает опираться больше на мнения других исследователей относительно характера текста романа, нежели на свое собственное.

В Главе 3 показана эволюция взглядов П. Акройда на идею города, идеального города. И.В. Липчанская прослеживает, как в романах «Лондонский пожар», «Хоксмор» писатель формирует образ невидимого города, вечно существующего в границах современной видимой топографии и воспринимаемого только визионерским оком. Этот прообраз города тесно связан с языческим прошлым, с силами земли и смерти, с ужасом и тьмой. В «Доме доктора Ди» концепция прагорода радикально меняется, приобретая идеальные черты, взятые из платоновской утопии. Ведущей стихией города атлантов, который находит доктор Ди, становится свет. В «Повести о Платоне» платоновская утопия претворяется в слово и в таком материальном облике оборачивается своей противоположностью – антиутопией. Главный персонаж, Платон, уходит из родного идеального города света под землю, на поиски прошлого, где он открывает для себя некую истину. Таким образом, концепция города получает в творчестве Акройда циклическое развитие, как убедительно показывает исследование, и сам писатель возвращается после своего, так сказать, мистического путешествия, к городу настоящего, к жанру популярно историческому и пишет биографию Лондона. Показ динамики развития образа города в постмодернистской прозе составляет несомненную ценность настоящего исследования и будет актуален и интересен для филологов, занимающихся современной литературой, а также имеет практическое значение для общих курсов, спецкурсов, семинаров по новейшей зарубежной литературе.

Некоторые формулировки в исследовании противоречат друг другу. Например, в исследовании несколько раз подчеркивается, что творчество П. Акройда «полностью отвечает положениям постмодернистского урбанизма» (с.164), что он «на свой лад развивает общую постмодернистскую полемику с просветительским рационализмом» (с. 167), а в Заключении сказано, что показывая Лондон «как трансцендентальную сущность... Акройд оказывается далек от постмодернизма, к которому его так часто относят» в силу своего хилиастического типа сознания (с. 166). И далее: «Вот что коренным образом отличает Акройда от прочих постмодернистов с их тотальной релятивизацией любых ценностей – искренность и напряженность в поиске трансцендентального начала, к которому автор относится совершенно серьезно...» (с. 166). Хотелось бы предостеречь исследовательницу от подобных обобщений, т.к. анализ творчества многих пишущих современников Акройда, таких как Дж. Барнс, Й. Макьюен, А. Байетт, даже М. Эймис, подтверждает серьезное отношение авторов к поднимаемой ими проблематике. Ведь и беглый взгляд на романы П. Акройда наводит на мысль об эксплуатации мистики ради привлечения массового читателя.

Диссертация наглядно показывает, как постепенно образ Лондона в романах Акройда разрастается и, наконец, обособляется, делается главным героем в документально-художественном томе «Лондон. Биография». Это, действительно, огромный, разнородный по материалу, мозаичный по композиции труд, весьма сложный для освоения и осмысления, что и отразилось на содержании Главы 4. Она повторила пестроту и разнородность биографии Лондона, но при этом ей не хватило отстраненности, инструментальности подхода. Если в главах 2 и 3 применялся, в основном, подход, предложенный Л. Хатчен для историографической метапрозы, то биография Лондона несет на себе признаки другого жанра и, видимо, требует иной методологической базы. И.В. Липчанская выделяет такие характеристики образа Лондона, как его телесность, одушевленность и непрерывность, чему посвящены специальные разделы главы. Упоминается также, где мельком, где подробней, о фрагментарности, театральности, о главенствующих стихиях в характере города, о болезнях и визионерах, что, по сути, дублирует содержание книги Акройда и передает ту сторону образа, которая касается Лондона-мегаполиса. При этом не достаёт собственного, более общего анализа текста, касающегося биографического аспекта. С учетом всех сложностей, которые ставит перед исследователем акройдовский опус, несомненной заслугой диссертантки является вычленение из огромного вала информации образа автора. Особый раздел главы, где подчеркивается ведущая и связующая роль образа автора-биографа, можно

визионерские поэмы Блейка «Иерусалим», «Видения дочерей Альбиона» и пророческие поэмы о Европе, Америке.

С формальной точки зрения, несколько наивно смотрится выражение типа «учение постмодернизма» (с. 65), стилистически неудачно звучит заголовок раздела «Мотивная структура образа Лондона» (с. 68). Также стилистически неверно звучит «...исследование мегаполиса, окутанное в дымку мифов и народных преданий» (корректно сказать «окутанное дымкой», хотя и в этом случае фраза получается не очень удачной по стилю).

Выше высказанные замечания и предложения отнюдь не отменяют актуальности настоящего диссертационного исследования и подчеркивают его новизну и возможности дальнейшего развития темы. Диссертация является научно-квалифицированной работой, в которой содержится решение поставленной задачи, имеющей существенное значение для отечественной филологии.

Автореферат и статьи, опубликованные по теме диссертации (семь статей, из них 3 статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ), отражают основные положения диссертации. Диссертация соответствует требованиям, предъявляемым ВАК РФ к кандидатским диссертациям (пп. 9-11 и 13,14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ 24.09.2013 № 842.), и заявленной специальности.

Ирина Владимировна Липчанская заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03–литература народов стран зарубежья (литература Великобритании).

Отзыв составлен кандидатом филологических наук, старшим преподавателем кафедры иностранных языков ФГБОУ ВПО «Литературного института им. А.М. Горького» Муратовой Ярославой Юрьевной. Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры иностранных языков 28 апреля 2014 года, протокол № 8.

Зав. кафедрой
иностраннх языков
доктор филологических наук
Шишкова Ирина Алексеевна

Подпись *И. А. Шишковой*
Начальник отдела кадр

